

В. А. Петровский

Начала персонологии «Я»: существует ли ее предмет?

С тем фактом, что *сознание* — «ничье», философски просвещенная часть общественности еще не свыклась. Но этот тезис, сохраняя сегодня свою бесспорную нетривиальность и методологическое значение, благодаря усилиям отстаивающих его теоретиков (В. С. Соловьев, С. Н. Трубецкой, Г. Г. Шпет, Г. П. Щедровицкий, М. К. Мамардашвили, В. П. Зинченко), «как бы уже» не шокирует. Развивая именно эту завоевывающую себе право на существование идею, мы обсуждаем вопрос о принадлежности *самосознания*: оно — «чье-то», или также — «ничье»?

Казалось бы, «внутренняя форма слова» (не по Шпету, а по Потебне, находящему подсказку к пониманию внутри звучащего слова), исключает сомнение: раз «само», то уж — и «чье». Но может быть, самосознание, как таковое, есть *иллюзия* сознания в коллективном пользовании социума? Рассматривая этот вопрос, мы будем неоднократно обращаться к идеям В. П. Зинченко¹, являющих опыт синтеза феноменологии, логики, культурологии и психологии сознания. Перед нами — уникальный опыт «порождающей активности» в понимании бессубъектных истоков сознания. В работах В. П. Зинченко и его коллег реализована отнюдь не очевидная для исследователей (будь то философы или психологи) *логическая* необходимость десубъективировать сознание, возможность понять его «из себя», не постулируя при этом избыточных сущностей, но

Работа выполнена при поддержке научного фонда Государственного университета — «Высшая школа экономики» в рамках проекта № 08-01-0143 «Идеи и методы мультисубъектной персонологии». Статья подготовлена в рамках франко-русского проекта «Проблема “Я”: традиции и современность», поддержанного Центром фундаментальных исследований Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики (Москва) (Программа 2011 г., ТЗ № 50.0).

¹ Зинченко В. П., Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст, М., 2010.

опираясь только на его собственную — сознания — избыточность (обнаруживаемую уже на уровне «чувственной ткани сознания»). Речь идет, подчеркиваю, о необходимости и, одновременно, возможности осмыслить сознание, начиная с самых низов его — от «недостаточно еще одушевленной <в психологическом познании — В. П.> физики» «перцептивных, мнемических, интеллектуальных, исполнительных процессов»² — постепенно поднимаясь вверх к высшим уровням духовности (и, в частности, отношению Я–Ты).

В контексте этих исканий — проблемы, обсуждаемые в данной статье (сформулирую их кратко):

- как безличное «со-» в сознании производит личное знание «о...»?
- как язык, точнее, многие языки культуры, запечатленные в психике индивидуума, превращаются в его речь?
- как индивидуальное бессознательное — «речь Другого» — «осознаивает» нас, порождая то, что может быть названо «Я-говорением», или, «по школьному», «родной речью»?
- как знаковое бытие обуславливает новое бытие знаков в психике индивидуума, как превращается оно в причину себя (causa sui)?
- как осуществляет себя в говорении и действии персональное Я?

Словом, речь идет о контексте, концептуальном фундаменте того, что может быть названо в целом *персонологией самосознания* («персонологией Я»).

Центральный для нас вопрос состоит в следующем: существует ли «Я» как «центр» сознания индивидуума, как некая производящая сила и средоточие его субъективности (а ведь именно так выглядит положение дел с точки зрения здравого смысла³)? Существует ли некое Я, обладающее самосознанием и способное постигать, чувствовать, творить⁴?

² Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. С. 39.

³ Не слишком, может быть, способного разобрать смысл написанных слов.

⁴ Эти заметки, скажу сразу, — не дань М. Фуко и его вольным или невольным «соавторам», как в прошлом, так и в будущем. Нет смысла размывать *свою* субъектность посредством *чьей-то* еще, уже размытой, хоть бы и самого Фуко. Ведь и она, его субъектность, как следует из сочинений *этого* автора (авторство в которых он сам, по сути, подвергает сомнению), легко растворяется в *чьих-то* еще субъектностях... Речь в этой статье идет только о том, что «субъекта», «Я», в обычном (обыденном) значении этого слова, фактически нет. Я бы сказал: он *просто* не существует (если и существует, то с ним все не так просто, как представляется обыденному сознанию). Его нет в качестве *самодостаточного непосредственно сущего «Я»* — самостоятельно-го источника и основания активности, будь то познание, переживание, действие в мире. *Такой* субъектности, — говорю я, — нет, хоть бы и мыслить ее, вслед за Фуко, в минимальной, гомеопатически расходящейся в «водах» социума, степени.

Этот вопрос упирается в само понимание «Я» (хотя, может быть, именно Я упорствует, упирается, не желая слышать ответ?).

Здесь Я рассматривается на трех ступенях анализа. Прежде всего, это *слово*, существующее в обычном языке, в культуре: «Я» — как культурный знак. Далее — это способ присутствия культурного знака «Я» в психике индивида. В этом случае можно говорить о прообразах Я⁵. Именно здесь, в вопросе о локусе бытия и форме существования «Я» как культурного знака, есть место сомнению. Наконец, обратимся к прообразам Я (как к *идее*, творящей объект), воплощающимся в Я-действительное (*реальное Я*). На этой ступени движения мысли я надеюсь восстановить в правах Я, живущее (виртуально) в культуре.

Итак, подлежат различению:

- слово «Я», существующее в культуре, — «Я» как культурный знак;
- Я-прообразы в психике — чувственные оттиски «Я» как культурного знака;
- идея Я в жизнедеятельности индивида.

«Я» как культурный знак. Этот знак обладает сложным строем. Он включает в себя *имя* (в русском языке звучит как «я») и ассоциированные с ним *символические модели*⁶. Здесь «имя» соответствует *означающему*, «модель» — *означаемому*. Опираясь на традиционную соссюровскую трактовку знака, подчеркну важный нюанс, отсутствующий в классике. *Имя* («означающее» знака «Я») не может рассматриваться как случайно связанное с *моделью* («означаемым»). Оно — применительно к Я — есть часть модели. Само звучание — «я» («Ich», «I» и т. п.) — входит в состав модели, неотделимо от нее (вне произнесения в данном случае не существует и носимого содержания). Так окраска и форма крыла птицы, по которым мы можем понять, «что за птица», неотделимы от птицы как таковой. Модели-означаемые «Я» присутствуют в языке повседневного общения, фольклоре, литературных произведениях, искусстве, науке, философских сочинениях, религиозных трактатах (как часть языка, символические модели также имеют свои *имена*, к которым я буду последовательно обращаться).

Таких моделей — в культуре — несколько (я пока не ставлю вопрос о «моделируемом» — о предсуществующих объектах этих моделей, «оригиналах», существующих наяву). Это — «Я-познающее», «Я-устремленное», «Я-переживающее». Я сродни «экзистенции»

⁵ Теоретический конструкт «прообраз Я» вводится впервые мною.

⁶ Вводим для них символ Я — используем в записи курсив и пишем с заглавной буквы.

в трактовке М. Хайдеггера (само себя открывающее и себе открывающееся бытие — так можно было бы выразить суть «Dasein», «здесь-бытия», «экзистенции» в его понимании). Об этом «здесь-бытии» можно сказать, что вместе с его бытием и через его бытие само бытие раскрыто для него самого. Dasein есть такое здесь-присутствие, через которое «говорит» само бытие. Как видно, здесь нет посредников, нет чего-либо или кого-либо, что служило бы цели раскрытия. Бытие в экзистенции раскрывает себя непосредственно, как бы соединяясь с самим собой, оно есть и причина себя и следствие себя самого. «Я» как культурный знак заключает в себе именно этот смысл — непосредственного самообнаружения, самоустановления, самоохвата (или — «захвата»). Внешние объекты при этом могут втягиваться в орбиту «заботы» (термин Хайдеггера) раскрывающего себя бытия, но, в конечном счете, экзистенция озабочена самой собой: реализуя «заботу», она преодолевает тревогу «не быть».

Наряду с общим ядром, можно указать также различия между ипостасями Я. Рассмотрим их конспективно.

«Я-познающее» перенимает форму объекта, существующего по ту сторону экзистенции, и размещает ее в материале, живущим по сю ее сторону; формирует, как говорят, *субъективный образ* объекта, сводит единство формы объекта и новой «материи» его бытия.

«Я-волевое» ставит цель; само порождение цели (целеобразование) — всецело в пространстве Я; оно совершается в экзистенции и завершается на границе Я и не-Я; но Я-волевое на этом как бы не останавливается, оно получает свое продолжение за границами экзистенции, воплощает себя вовне, в действиях и вещах, перенимающих форму цели (в этом случае говорят о воплощении устремлений, мы могли бы предложить слово «целевоплощение», в пару к «целеобразованию»). Целеобразование и целевоплощение образуют то, что принято считать *целеполаганием*, которое производится Я.

«Я-переживающее» коренится в бытии индивида, в живом потоке его бытия, но являет собой нечто большее, чем его жизнь, большее, чем его активность, большее, чем связь того и другого. Подобно демону Максвелла, «Я-переживающее» перехватывает «теплые молекулы» жизни, элементы «психофизического бытия» индивида, пропуская их в круг экзистенции, но в отличие от этого вышколенного мифического, лишь открывающего и закрывающего дверцы существа, оно не ограничивает себя функцией швейцара на входе и выходе. «Я-переживающее» расширяет территорию «Я», оно не только «открывает» себя опыту, но и «прикраивает» себе новый опыт, — переступает черту. Исследования показывают притягатель-

ность для «перешагивания» черты, ограничивающей возможный опыт⁷. Но такова только одна из сторон работы переживающего Я.

Другая сторона (или «функция») — переживание того, что однажды уже пережито: «переживание переживания». Основатель эст-тренинга Вернер Эрхард говорит о *пере-переживании*. Таким образом, перед нами сочетание двух функций переживания: *первичное* переживание, относящееся к бытию, до сих пор не включенному в круг экзистенции («человек вдруг почувствовал то, что ранее не было открыто ему в переживаниях»), и — *вторичное* переживание, соотносимое с тем, что уже пережито, например, страх страха, или радость, переживаемая как восторг.

Заметим, что «переживание» включает в себе важный смысл приобщения к целому, и соответственно — расширения, возвышения, углубления целого. Это значит, что переживание, в отличие от ощущения, не фрагментарно, не точечно. Оно обнимает, как бы прижимает к себе весь объем доступного ему бытия, смешивает свое тепло с его собственным, доводит бытие до состояния экзистенции. Возможна и другая метафора — с гедонистическим уклоном. Экзистенция как бы пытается «распробовать» бытие, ощутить его вкус, чтобы сказать, испытав: «Мне это пришлось по вкусу» («Это — мое»), или, едва попробовав, тут же и отвернуться («Это — совсем не мое!»). Добавим, что «проба» в любом случае не остается «непереживаемой» — в процессе опробования рождается новое переживание (например, «приятное-неприятное»). Я еще вернусь к этому пункту чуть позже (впрочем, даже не к «пункту», и не к «точке», а к многоточию).

Во всех рассмотренных выше случаях «Я» — *знак*, функционирующий в культуре. Подобно другим знакам, он может быть соотношен с объектами, либо существующими, либо не существующими за пределами его самого. В том случае, когда мы находим, что *означаемое* знака соответствует объекту, *предсуществующему* данному означаемому (т. е. имеет свой реальный прототип вовне), мы говорим о *гипостазе* знака, а процесс объективации означаемого называем *гипостазированием*. Обыденное сознание с легкостью необыкновенной наделяет знак «Я», его означаемое, коррелятом вовне, будто бы знак — лишь отражение того, что существует «и так» — наяву.

Однако, как я пытаюсь показать здесь, на пути к столь привычному замещению словесного знака «Я» его гипостазой (как если бы изначально, до этого знака, в мире существовало что-то способное воспринимать-действовать-переживать»), вырастают стражи логи-

ческого порядка, контролирующие возможность самого перехода из области фантазии в область реального. Они как бы расставляют для нас предупредительные знаки: «Дальше — нельзя! Дорога ведет в никуда... В бесконечность... Дурную!»

Именно так! Допуская на время, что «Я» как культурный знак, означаемое которого есть образ чего-то «до-знакового», реально сущего, присутствующего в физическом пространстве-времени, а именно знак индивида, способного воспринимать мир, действовать в нем, переживать свои взаимоотношения с миром, мы превращаемся в заложников дурной бесконечности — трех ее разновидностей, определяемых тремя ипостасями Я. Присмотримся:

- быть *познающим* существом — значило бы: «познавать, что познаешь, что познаешь, что познаешь... и т. д.»;
- быть *целеустремленным (волевым)* существом, значило бы не просто ставить и достигать свою цель, но еще и стремиться к этому, а также «стремиться к тому, чтобы стремиться стремиться... и т. д.»⁸;
- быть *переживающим (чувствующим)* существом, значило бы: «переживаешь, что переживаешь, что переживаешь... и т. д.».

Как видим, условием существования Я (в трех обозначенных его ипостасях), является нечто, чего нет как безусловно сущего. Верхние этажи небоскреба опираются на нижние, мы спускаемся ниже и ниже, фундамент отсутствует. Перед нами логическая дилемма: либо признать Я существующим наяву (реально сущее), однако не имеющим под собой прочной опоры (безусловно сущее), либо признать, что Я, если и существует, то в мире *условно-сущего*, т. е. там, где «живут» значения знаков, созданных воображением человека или, скорее, воображением всего человечества в целом. В последнем случае, в терминах семиотики Морриса — это знаки, не имеющие денотата. И уж тем более, добавлю, — знаки, не подразумевающие существование *ноумена* (общей основы реально существующих объектов, к которым отсылает знак).

В разрешении этой логической дилеммы, я — на стороне второй отмеченной возможности. Дурная бесконечность, регресс к бессосновности Я, есть свидетельство *несуществования Я* как реально сущего. Перед нами знак и не более, чем знак «Я». Если же его условное бытие в мире культуры принимается ошибочно за реальное бытие, то имеет смысл говорить о *мнимости Я* (ведь в этом случае мы попросту *мним* его существующим, а не мыслим).

⁷ Петровский В. А. Мотив границы: знаковая природа влечения // Мир психологии. 2008 № 3. С. 10–26.

⁸ В детстве мне говорили (да простит мне читатель «очень личные» воспоминания): «Надо сделать над собой усилие, каких бы усилий тебе это усилие не стоило...».

Тот факт, что перед нами именно знаки, а не реально существующие, точнее *предсуществующие* объекты, когда мы говорим о Я, подтверждается тем, что в культуре существуют некие обереги от призраков — специальные знаковые средства «преодоления» дурной бесконечности (обратим внимание на кавычки!). Например, в повседневной речи встречается словосочетание «и так далее, до бесконечности». Что это значит? Перед нами выраженное словами *означающее* недостижимого *означаемого*, символ незавершенности процесса. К *реальности* мы не можем приделать уходящий в бесконечное далеко символический «хвост». Слова «и так далее», которые сами являются знаками, мы можем присоединить к словесным *знакам* и только. Так обстоит дело и с другими знаками-номинациями бесконечности.

Примечательно, что означаемое приобретает здесь свой смысл *через* означающее (*имя*). Ну, в самом деле: что значит — «незавершенное»? Для нас это означает, что мы говорим о чем-то: «И так далее, до бесконечности». Само *говорение* (*произнесение этих слов*), а также, иногда, — смутные *образы-переживания, сопровождающие* произносимые слова, — *являют для нас* смысл бесконечности; ее не существует для нас каким-либо иным образом (есть только *знаковое* ее бытие). В формальных языках есть уловки-значки (уловители бесконечности), например:

$$\lim_{n \rightarrow \infty} x_n$$

(латинской аббревиатуры «*lim*», знака переменной «*n*», стрелочки « \rightarrow », значка бесконечности « ∞ », расположения первого знака над тремя расположенными слева направо другими элементами символа, сочетание элементов «*x*» и чуть ниже «*n*», расположенных справа по центру). Человеку, знакомому с этими символами, вполне достаточно взглянуть на них, чтобы вызвать в сознании нечто, *переживаемое* как зыблущееся, теряющее отчетливость, разве что только «походящее» на бесконечность (зримый проход, или переход к бесконечности субъективно обрывается на третьем-пятом «ходу»). А «охват» бесконечности, за небольшим, нередуцируемым, остатком, сводится к только что нарисованной в центре страницы композиции из значков «*lim*», «*n*», « \rightarrow », « ∞ », « x_n »⁹.

⁹ Мне помнится, как музыкальный критик А. С. Агамиров, на вопрос ведущего радиопередачу, *что* он, «человек музыки», *видит* перед собой, слушая музыку (какие зрительные образы перед ними возникают, может быть, волны морские, может, что-то еще), коротко ответил: «Ноты». Так и многие образы, в том числе смутные образы бесконечности, перестают играть роль поддержки или подсказки к осмыслению слова; в конечном счете, математик видит перед собой запись «бесконечности», «бесконечно малых», «предела», т. е. видит «ноты» — правда, математические.

Психологически самым интересным и принципиально важным для всего дальнейшего является тот самый «нередуцируемый остаток», необъективируемый смысл бесконечности, живущий в переживаниях индивида. Может быть, размытость образа, тот факт, что он как бы на наших глазах тает, его все еще продолжающееся исчезновение переживается нами как «модель» бесконечности, «мини-вечность»? Или, может быть, «чувство порождающей активности», о которой пишет В. П. Зинченко¹⁰, дает нам переживание бесконечности, притом — бесконечности истинной, а не «дурной»? Ведь в чем различие между ними — на уровне переживаний? Если речь заходит об истинной, актуальной бесконечности, в философии именуемой *трансфинитностью*, то ее суть — в двойном отрицании: *отрицается само отрицание*, бытие нечто выступает как *отграниченное от ограничений*, — как неограниченное (безграничное, подлинно бесконечное) бытие. Чувство порождающей активности таково, что человек пребывает на старте процесса. Активность пока еще не ограничена ничем, — даже целью. Она (активность) ощущает себя, свое присутствие в плоти слова, ощущает и плоть его, — в альпинистской связке элементов «*и*» (союз, связь) — «*так*» (определенность, прочность) — «*даль*» (простор без границ) — «э-й-э»(эхо)...; она, как в лодочке, — во внутренней форме слова; она раскачивает эту лодочку, ощущая свою свободу, неограниченность в своих первых движениях, — не бесконечность вообще, а бесконечность *собственную*, т. е. бесконечность, как мог бы сказать Б. Спиноза, «в своем роде»; такая вот бесконечность наполнена тем, что пребывает по сю сторону отрицаемой границы.

Однако здесь мы выходим за очерченные (рефлексируемые культурой) пределы *слова* «Я», за границы значения этого знака, закрепленного в текстах культуры; теперь мы — на суверенной территории индивида, его психики: в первичном (бытийном) слое ее, т. е. там, где обитают *переживания* (первое определение психики, по С. Л. Рубинштейну), или — что тоже самое — там, где уже соткана психикой, но еще не скроена и не сшита портным на заказ, *чувственная ткань сознания* индивида (первая «образующая» сознания, по А. Н. Леонтьеву).

Только людям, по инерции верящим, что *все в психике* есть отражение того, что находится по ту сторону психики, «в окружающем мире», может представиться (надеюсь, только на миг!), будто переживания или чувственная ткань сознания суть означающие чего-то внешнего, объективно-сущего, т. е. *предсуществующего* означаемого (между тем, ни Рубинштейн, ни Леонтьев, конечно, не думали ничего подобного, хотя Рубинштейн писал о соотношенности переживаний с

¹⁰ Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. С. 103.

чем-то внешним, а Леонтьев выделял функции чувственной ткани в построении образа мира). Нелишне подчеркнуть противоположный тезис (даже если он покажется кому-нибудь очевидным): «переживание» есть чувственное сопровождение (но отнюдь не отражение) жизни, субъективно-психическая сторона проживания индивидом тех или иных жизненных ситуаций. Точно также и «чувственная ткань сознания» — субъективно-психическая сторона физических процессов, протекающих в организме, внутренняя ипостась «живого движения» индивида, биодинамики его тела, но ни в коей мере не отражение *физики* этих процессов. Вынесение вовне, объективация, гипостазирование переживаний, *как таковых*, «чувствований» (И. М. Сеченов), надделение их статусом самостоятельно сущего (а потом, возможно, и «отражаемого») — абсурд, проявление инерции мысли, воспитанной в духе известной моим коллегам с университетских времен ленинской теории отражения¹¹. Трансфинитность «Я» есть особое переживание, чувственная ткань порождающей активности. Я — не зеркальная комната, с неисчислимым количеством «зазеркалий», не родник, бьющий из бесконечных глубин, и не солнечный зайчик, который всегда поверх ловящей его руки. Все это — в своем исходном определении — фантом рефлексии, приписывающей Я статус реальности.

Но можно ли, положа руку на сердце, согласиться с подобной — уничижительной — оценкой онтологического статуса Я? Можно ли смириться с тем, что *логика* «Я» наотрез отказывается ратифицировать договор с феноменологией «Я» (*логика* настаивает, что Я — *мнимость*, феноменология свидетельствует: Я *есмы*)? Рассмотрим этот вопрос подробнее.

¹¹ Я заострю эту мысль, предлагая некий перевертыш традиционной «теории отражения», что доминировала в течение многих десятков лет в умах подневольных философов и психологов советской закалки. Как вам такой ответ — вопрос на вопрос — о соотношении «внутреннего» и «внешнего», «психического» и «физического», «души» и «тела», «субъективного» и «объективного»?

ЗАЧЕМ — ДУША?

Душа, — не чья-нибудь, — моя
латает дыры бытия...
Смеетесь вы: «Ума палата!...»
Но даже если «Номер Шесть»,
когда в пространстве дыры есть,
душа — отменная заплатка.
А «сотня талеров» —
оплата:
что есть в кармане, что не есть.

Читатель, конечно, помнит кое-что из А. П. Чехова, а известный пассаж философа я все-таки напомним — уж больно хорош, особенно в наше время: «Сто действительных талеров не содержат в себе ни на йоту больше, чем сто возможных талеров» — писал И. Кант.

Присутствие Я в психике. Прообразы Я. Имея дело с феноменом чувственной презентации знака «Я», его запечатленностью в психике, мы будем говорить о *прообразах Я*, — источниках становления Я-действительного в противоположность Я-мнимому. Прообразы Я — сами по себе — не являются Я. В противном случае, как мы уже говорили, мы имели бы дело с дурной бесконечностью, — бесконечной отсрочкой ответа на вопрос о том, как мыслить безусловную основу Я (фундамент его бытия-наяву).

Но что представляют собой прообразы Я в психике? Попробуем назвать их, не детализируя каждый. На мой взгляд, это: переживания, присущие индивиду («чувственная ткань сознания»), представления («рисунки») в «материи» переживаний («рисунки, вытканые на чувственной ткани»), названия-имена («мне», «мною», «во мне», «для меня» и т. д.). Вся композиция в целом *никем не воспринимается, никем не переживается, не исходит ни из кого*; имя этой композиции — «я» (и это имя — также часть композиции, один из ее элементов — не более чем элемент!)

Приведу небольшой фрагмент текста (и сегодняшние добавления к нему) из интервью, которое я дал своему коллеге, профессору Андрею Юрьевичу Агафонову¹²:

Вы можете спросить меня так: а кто, все-таки, видит субъективные содержания-творения психики? И я Вам отвечу: «Никто».

Никто, понимаете... Картинная галерея пуста. В ней зрителей нет. Нет и художника. Автопортрет его, впрочем, присутствует — и это одна из картин в галерее. Автопортретов таких может быть много. На одном из них — он, рисующий себя (можно добавить — рисующий себя рисующим себя и т. д.). На другом — тот же художник, изображающий мир, окружающий его. Есть портреты других людей... Но никто никого не видит... Звучит голос, называющий имена, вещи... Например: «Я вижу эти картины», «Я знаю этих людей», «Я узнаю эти предметы». Но никакого «видения» этих картин в галерее нет, как нет и никакого «знания» или «узнавания» чего-то кем-то «внутри». Просто, на одной из картин — мольберт, кисточка, зеркало, и «видящий», «рисующий» себя, художник, да подпись еще: «Автопортрет». Безумцы, дети и некоторые собраты-философы могут поверить в то, что все это происходит в действительности: это — художник, он держит кисть, видит себя в зеркале, считает, что видит себя, подписывает картину и т. п.

Вы скажете: «Деперсонафикация?! Клиника утраты “Я”?»

¹² См.: Петровский В. А., Агафонов А. Ю. Научный диалог // Журнал прикладной психологии. М., 2004. № 4–5.

Нисколько! Скорее, демистификация. Остранение. «Деконструкция» привычных слов, привычных высказываний, типа: «Я вижу что-то», «Мне явлено нечто». Картинки, конечно, есть. Нет, не точно... Слово «картинка» предполагает «зрителя». Как, впрочем, и слово «образ» (образы, говорим мы, нам «даны»). Увы, мы не можем вырваться за пределы слов, искажающих суть. Примысливаем (приговариваем) «Я-созерцающее» автоматически, как если бы, говоря, «Сепир», тут же присовокупляли «Уорф». В действительности все содержание сознания и самосознания может быть сведено к ... Вот ведь, на мой взгляд, нет таких слов! Я хочу сказать, мы должны сойти с кода «вижу — не вижу», применительно к тому, что возникает в сознании, твердо придерживаясь просто «есть» или «нет». К примеру, высказывание: «Я видел сон» означает: «был сон», «был кто-то», о ком говорят «Я» (присутствует автопортрет субъекта) и — цепочка звуков: «Я видел сон», привычное значение которых — фикция, которая, впрочем, может быть еще «зарисована» в сознании в виде объекта, символизирующего сон, в виде обычного символа, которым изображают глаз, в виде стрелочки, символизирующей «видит». Ничего, кроме этого, в высказывании «я видел сон» — нет¹³.

Добавлю, что и «вера в себя», в свое Я как «субстанционального деятеля», есть *переживание* индивида; как таковое, непосредственно, оно не имеет статуса «двигателя» или «восприемника» материальных процессов¹⁴. В действительности, никаких демонов или гомункулусов не существует. «Население» психики такими фантастическими существами («осуществляющими выбор и принимающими решение») со-

¹³ В контексте сказанного хочу процитировать Б. Пастернака: «Больной следит. Шесть дней подряд / Смерчи беснуются без устали. / По кровле катятся, бодрят, / Бушуют, падают в бесчувствии. / Средь вьюг проходит Рождество. / Он видит сон: пришли и подняли. / Он вскакивает: “Не его ль?” / (Был зов. Был звон. Не новогодний ли?) / Вдали, в Кремле гудит Иван, / Плывет, ныряет, зарывается. / Он спит. Пурга, как океан / В величье, — тихой называется». Функция субъекта смещена к объекту. Больной не «видит». Больной — «следит». Перед его глазами происходит что-то, к чему он сам не имеет касательства, все происходит без всякого участия со стороны свидетеля. И только потом он — вдруг «вскакивает...», что подчеркивает, по контрасту, его безличное присутствие в том, что происходило с ним раньше.

¹⁴ Критику онтологических допущений Н. О. Лосского дает Г. Г. Шпет. Он критически оценивает идею, согласно которой «всякое человеческое я есть субстанциональный деятель, осуществляющий материальные процессы отталкивания и направляющий, по крайней мере, некоторые из них, сообразно своим желаниям» Цит. по: Зинченко В. П., Пружинин Б. И., Шедрина Т. Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М., 2010. С. 151. В данной статье я не рассматриваю логических аргументов против гипостазирования «субстанционального деятеля»: идею взаимодействия природных (физическая энергия) и «иноприродных» (В. И. Слободчиков) афизических (А. И. Миракян) «сил» и др.

держит в себе «опасность неадекватного опредмечивания» — об этом пишет в своей книге «Сознание и творческий акт» В. П. Зинченко¹⁵.

Но не упраздняется ли при таком подходе столь дорогая мне идея субъектности человека? Нет! Наоборот, мне думается, — она только выигрывает при этом. Я думаю, мы ни на шаг не продвинемся вперед в постижении активности, если позволим себе утвердиться в мысли о том, что «субъект», «субъектность», «Я» суть эпифеномены, призраки сил, регулирующих поведение и сознание. В действительности, схема субъекта («причина себя»), прообразы Я и т. п. — как культурные знаки активного индивида — образуют узоры ментальности, конфигурируют своим присутствием феноменальное поле, соучаствуют в гештальтах, направляющих поведение. Присмотримся¹⁶.

Присутствие Я в жизнедеятельности индивида. Г. В. Ф. Гегель говорил, что идея свободы сделала людей свободными. Точно также и схема Я (прообраз Я, присутствующий в психике), приобретая статус *идеи*, превращает индивидов в *субъектов* своих деяний; она сопровождается рядом глубинных переживаний: мы чувствуем, что есть какой-то источник, какой-то родник наших чувств и мыслей. Прообразы Я как таковые не являются (подчеркну эту мысль повторно), каким-либо непосредственным «источником» или «родником» активности. Думать так — ошибочно. Но они, *приобретают* это особое качество *действительного* (а не мнимого) Я, когда *опосредуют* органически присущую индивиду активность (целевые и нецелевые тенденции, импульсы, реактивные силы, ансамбли процессов, протекающих в теле и т. д. и т. п.). Подлинное Я есть результат синтеза, сплава активности (энергии действия — иногда до действия, потока сознания — никогда полностью не осознаваемого) природного (бес-субъектного) происхождения и схемы Я (прообраза Я, произведенного, в конечном счете, культурой). О таком действительном, подлинном Я мы говорим «субъект», различая в нем *форму* (схема Я, = прообраз Я) и динамический *материал* (активность, энергия).

Метафорически, активность индивида в процессах такого опосредования можно уподобить световому лучу, проходящему сквозь отверстие в перфокарте, конфигурация просветов которой аналогична узору прообраза Я (напомню, что сделанная из тонкого картона перфокарта, применявшаяся в компьютерах первого поколения, представляет информацию наличием или отсутствием от-

¹⁵ Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. С. 38.

¹⁶ См. также: Петровский В. А. Смысловые миры личности, или «Во что верит мысль?» // Психология субъекта и психология человеческого бытия / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар, 2010 (в печати).

верстий в определенных позициях карты). Сказанное означает, что прообразы *Я* конфигурируют проходящий сквозь них поток активности, и в этом случае прообраз *Я* превращается в *Я как таковое*, становится действительным *субъектом* происходящего («субъект», в нашей трактовке, есть *causa sui* — *причина себя*)¹⁷.

Мы оставляем без обсуждения, могут ли конфигурации психики *порождать* динамические тенденции в психическом слое бытия («установки» Д. Н. Узнадзе, «инстинктивные влечения» З. Фрейда «локализованы» именно в этом слое), например, присутствует ли здесь что-то наподобие гештальт-тенденций или «формообразующей тяги» (О. Мандельштам), которую отмечает в своей книге В. П. Зинченко¹⁸. Мы подчеркиваем пока — иное: психические

¹⁷ См.: Петровский В. А. Феномен субъектности в психологии личности: Дисс. ... доктора психол. наук. М., 1992. Эта аналогия задает ракурс постановки проблемы *конфигурирования* активности со стороны психических структур, несущих в себе прообразы *Я*. Этот вопрос, в свою очередь, существенно расширяет предмет нашего анализа: мы вступаем здесь на территорию дискуссий о природе психики, способах решения (как, впрочем, и уходах от решения) знаменитой психофизической проблемы (не путать с психофизиологической и психогностической — в терминах М. Г. Ярошевского). Я не буду здесь углубляться в эту дискуссию. Ограничусь только *определением* психики как *третьей* реальности, занимающей положение *между* субъективным и объективным. В нашей совместной с М. Г. Ярошевским статье приводится следующее определение психики: «По В. А. Петровскому, система неотторжимых от живого существа процессов и состояний взаимоперехода объективных и субъективных атрибутов его бытия». Ярошевский М. Г., Петровский В. А. Психика / Общая психология. Словарь / Под ред. А. В. Петровского // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь. В 6 т. / Ред.-сост. Л. А. Карпенко. Под общ. ред. А. В. Петровского. М., 2005. С. 25. В своих публикациях, посвященных понятию «психика», я ссылаюсь на работы М. В. Басова, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Д. Н. Узнадзе и др., в том числе и на свои собственные, но рассуждал в стороне от разработок Г. Г. Шпета, с которыми познакомился позже благодаря книгам В. П. Зинченко и в контексте его собственных размышлений. Может быть, читателей заинтересует один из возможных ответов о природе психического и некоторые подходы к решению психофизической проблемы, предложенные в статье: Петровский В. А. Психология: «непредметность предмета» // Труды ярославского методологического семинара «Предмет психологии». Ярославль, 2004. В этой статье речь идет о дифференциации «физического» и «психического» по критерию транспонируемости–нетранспонируемости объектов, принадлежащих этим мирам (идея совпадения локуса порождения качеств и локуса существования их применительно к психическому — ни переместить, ни подсмотреть психические содержания «со стороны» нельзя; гипотеза о суперпозиции физических волн, не порождающей новых волн). В настоящей статье я еще раз озвучиваю важную для рассмотрения психофизической проблемы идею, что субъективно-психическое изначально *не воспринимается никем* («воспринимающее Я» изначально есть такое же образование психики, как и «объект восприятия», или (и) «процесс восприятия субъектом объекта»).

¹⁸ «Поэму насковозь пронзает безостановочная, формообразующая тяга» (О. Мандельштам). Цит. по: Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. С. 105.

формы, опосредующие проявления бессубъектной активности индивида, способны превращаться в *формообразующее начало*, они могут приобретать особую *функцию*: конфигурировать «живое движение», поток жизни, поток сознания.

Мысленно мы могли бы проследить траекторию активности *от* индивида *к* объекту *сквозь* культурные знаки «Я» (и знаки окружения), а после — ответные послания мира, «вызовы», порождающие новый виток активности. Заметим при этом, что активность, реализуемая индивидом, «проходя» сквозь знаки, опосредуется ими, приобретая новые формы, но и сама трансформирует знаки, вносит динамику в символическую картину мира и себя в мире, реорганизует знаковую среду, проницаемую ею. Быть может, именно эта, вторичная, *знаковая динамика* ощущается «формообразующая тяга», о которой писал Мандельштам?

В связи с постановкой этого вопроса, отметим, что знаковая картина мира — это не только посредник в ряду «активность — знак — мир», но и следствие самой себя как возвращающейся к себе причины, которая заново конфигурирует активность индивида. Гегель говорил в таком случае — свободная причина (причина себя). И в этом смысле прообразы *Я* выступают в роли *causa sui* — детерминирующих свое собственное бытие знаков. Возможно, под этим углом зрения может быть осмыслена приводимая в цитируемой книге В. П. Зинченко «антигипотеза Сепира-Уорфа», высказанная М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорским. «Мне важно подчеркнуть, — пишет В. П. Зинченко, — что, вводя даже не понятие, а символ “сферы сознания”, они размышляют о ней как о безличной и бессубъектной. Но этого мало. Они, как бы продолжая ход мысли Шпета, делают еще один важный шаг, который они назвали “антигипотезой” Сепира-Уорфа: не язык является материалом, на котором можно интерпретировать сознание, не он является средством для какого-то конструирования сознания. Напротив, определенные структуры языка выполняются, или, вернее, могут быть выполнены, *в материи сознания*»¹⁹. Частичка «ся» в слове «выполняются», мне кажется, и заключает в себе этот смысл самоопосредования («самоотнесенности» в терминах психологии сознания Г. Ханта²⁰) знака *Я* в психике (схема самоопосредования: внутренняя активность индивида → динамика и посредничество со стороны прообраза *Я* → поведение → «ответы мира» → активность индивида → динамика и посредничество со стороны обновленного прообраза *Я*

¹⁹ Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. С. 28.

²⁰ См.: Хант Г. О природе сознания. М., 2004.

→ поведение →... и т. д.). В этих переходах «выполняет себя» идея *Я*, существующая в языке.

Перечислим теперь последствия событийных «встреч» названных элементов: «бессубъектной» активности индивида, прообразов его *Я*, поведения, конфигурированного ими, и — порождаемых «ответами» извне новыми его акциями и реакциями. В этом (и только в этом) случае нам приоткрываются *субъектные* способы существования *Я*, а именно:

- истинный субъект *познания*, строящий образ мира (*Я-созерцающее, Я-мыслящее, Я-получающее, Я-обладающее*);
- истинный субъект *воли* (*Я-целеполагающее, Я-достигающее, Я-влияющее, Я-дарящее*);
- истинный субъект *переживания* бытия, производящий чувство целостности и продолженности существования индивида в мире (*Я-претерпевающее, Я-событийное, Я-трансцендирующее*).

Говоря о субъектности *Я*, понимаем, что предложенный список — лишь конспект, мы бы сказали, — опережающий конспект — результатов предстоящих исследований в области логики и феноменологии «*Я*».

Особый предмет персонологического исследования — изучение того, как представление о «*Я*» (и в частности, о его существовании или несуществовании в статусе субъекта) способно участвовать в процессах индивидуальной жизни, увеличивая, сужая, или, возможно, не изменяя число степеней свободы, «размерность» бытия человека в мире.

Подытожу:

1. Подлежат различению: *слово* «*Я*», существующее в культуре («*Я*» как культурный знак); *Я-прообразы* в психике — чувственные оттиски «*Я*» как культурного знака; *идея Я* в жизнедеятельности индивида.

2. Абсурдны попытки гипостазировать существующее понимание «*Я*» как производящей основы восприятия, действия, переживания (в этом случае получаем три варианта дурной бесконечности). Иными словами, никакого гносеологического (познающего), волевого (действующего), экзистенциального (переживающего) субъекта как *непосредственной* основы активности индивида — нет. Все это — фикции, миражи, мнимости. Однако, как мы убеждаемся далее, они способны, будучи *комментированными рисунками* «*Я*» (визуальными знаками, вытесненными в психике), опосредовать живой поток активности индивида, и в этом смысле обнаруживать свою соучастность бытию.

3. Культурные знаки «*Я*», чувственно запечатленные в психике, будучи прообразами *Я*, сами по себе еще не являются *Я*. Но индивид, активность которого опосредствуется прообразами *Я* — «узoram», «композициям», «рисункам», «чертежам», «иконками» в чувственном материале психического, а также — текстами, описывающими взаимоотношения между ними, — заявляет о себе в качестве реального *Я* (здесь «*мнимое Я*» превращается в «*Я-подлинное*», «*Я-действительное*»); на месте призрачного, миражного, статичного «*Я*», которое, на поверку, есть всего-то прообраз *Я*, появляется **живой знак Я**, обладающий длительностью, осмысленностью, самоценностью («для себя бытием»); рождаются истинные: *субъект познания, субъект воли, субъект переживаний*.

4. Культурный знак *Я*, приобретает черты самодействующей (самостроящейся, самоподтверждающейся) *идеи*. Овладевая поведением, *идея Я* становится (как тут не вспомнить слова еще не забытого философа?) «материальной силой».